

ШЭН ЛИН

ТО, ЧТО РАСТЁТ
НА ДЕРЕВЬЯХ

Шэн Лин

То, что растет на деревьях

«Автор»

2026

Лин Ш.

То, что растёт на деревьях / Ш. Лин — «Автор», 2026

Когда человек достигает определённого возраста, его отправляют в Сады Покоя. Оттуда приходят письма. Оттуда приходят фотографии. Оттуда никто не возвращается. Винсент никогда не задавался вопросами. В его мире мясо растёт на деревьях, а государство знает, что лучше для граждан. Но одна архивная запись заставляет его усомниться в том, что он считал правдой. Чем глубже он погружается в закрытые данные, тем страшнее становится открытие: система не скрывает от него ответы. Она показывает их сама. И если правда действительно ждёт его на самом дне, остаётся лишь один вопрос: почему именно его? Мрачная антиутопия о памяти, контроле и правде, которую лучше никогда не узнавать.

© Лин Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Без отклонений	5
ГЛАВА 2. Оптимальный уровень	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Шэн Лин

То, что растет на деревьях

ГЛАВА 1. Без отклонений

Винсент всегда думал о том, что смерть это лишь условность. Набор штампов и цифр. Каждый день он перебирал дюжину документов лишь для того, чтобы выполнить ежедневную норму. Социальный архив не прощал ошибок, требовал предельной точности и высокой работоспособности, поэтому государство для упрощения жизни своих граждан ввело специальные «препараты бодрости», которые кололись как обязательные вакцины при наступлении работоспособного возраста.

Их выдавали в медицинских центрах вместе с идентификационным обновлением. Процедура занимала не больше десяти минут: короткая очередь, проверка данных, укол в плечо и автоматическое подтверждение в системе. Побочные эффекты считались статистически незначительными, а любые жалобы - временной эмоциональной нестабильностью

После инъекции усталость становилась чем-то теоретическим, почти абстрактным. Люди продолжали работать дольше, спали меньше, а перерывы между сменами воспринимались скорее, как техническая пауза, чем необходимость организма.

Винсент не помнил, когда именно перестал чувствовать обычную усталость. В архиве это не фиксировалось. Важно было только то, что он выполнял норму - стабильно, без отклонений, без задержек.

Иногда, просматривая старые записи, он наткнулся на пометки о гражданах, которые «отказались от обновления работоспособности». Такие дела быстро закрывались, переводились в отдельный реестр и больше не появлялись в основной системе

С ними не происходило ничего драматичного.

Они просто переставали учитываться.

Также как и переставали учитываться люди, прошедшие дислокацию в «Сады Покоя». Их заносили в отдельный архив, с которым как раз и работал Винсент.

Сады Покоя представляли собой государственную программу финального проживания граждан, завершивших активный жизненный цикл. После достижения установленного возрастного порога гражданин получал приглашение, подтвержденное цифровым уведомлением, и переводился в специализированный комплекс, где обеспечивался непрерывный медицинский контроль, стабильные условия среды и ограниченный, но комфортный социальный контакт с другими участниками программы. Все процессы сопровождалась автоматизированной системой наблюдения, фиксирующей исключительно показатели благополучия, что исключало необходимость внешнего вмешательства и снижало нагрузку на общественные ресурсы. В официальных отчётах подчёркивалось, что Сады Покоя не являются формой прекращения жизни, а представляют собой её рационально организованное продолжение в иной функциональной среде.

В его обязанности входила сортировка граждан, достигших возраста для переселения в Сады Покоя, а также отметка об их переработке. Союз Народов не любил называть смерть привычным именем. Государство предпочитало слово – переработка. Словно стремилось избежать суровой реальности дабы не омрачать сознание людей на смертном одре.

Винсент завершил последнюю проверку и закрыл рабочий терминал. Система подтвердила выполнение нормы без задержек и дополнительных запросов, автоматически зафиксировав результат в журнале смен. На экране появилось стандартное уведомление: «Смена завер-

шена. Ви-17, ежедневный план выполнен. Благодарим за вклад в стабильность Социального архива»

Он несколько секунд смотрел на эти строки, ожидая привычного ощущения облегчения, но ничего не изменилось - только рабочее пространство постепенно возвращалось к своему исходному состоянию, очищаясь от открытых файлов и уведомлений.

Винсент отключил доступ, извлёк идентификационный модуль и встал из-за стола. Компьютер тихо перешёл в режим ожидания, как будто и не был связан с тем, что происходило в системе последние часы.

В коридоре было тихо - слишком ровно для здания, в котором ежедневно обрабатывались тысячи человеческих жизней. Люди шли по своим маршрутам, не задерживаясь, не разговаривая громче необходимого, и это спокойствие казалось не отдыхом, а продолжением рабочего процесса, просто в другой форме.

Он вышел к лифтам, и дверь закрылась за ним без звука, как финальная точка в документе, который уже не требовал ни подписи, ни пересмотра.

Винсент вышел из здания архива ближе к вечеру

Воздух снаружи был таким же, как всегда - ровным, очищенным, слегка прохладным. Город жил по расписанию: транспорт проходил с одинаковыми интервалами, пешеходы двигались без задержек, светофоры переключались синхронно, будто кто-то не управлял этим, а просто поддерживал уже заданный порядок.

Он остановился у выхода на секунду дольше обычного

Иногда после смены казалось, что город продолжает ту же самую работу, что и архив. Только вместо файлов здесь были люди, вместо подтверждений - маршруты, вместо статусов - движения по заранее утверждённым линиям.

Винсент поймал себя на мысли, что не может вспомнить, видел ли он сегодня хоть одно случайное действие. Всё вокруг происходило так, как будто уже было проверено и одобрено заранее.

Он шёл к остановке, не ускоряя шаг.

Город продолжал жить в своей ровной, выверенной последовательности: свет переключался заранее, люди подходили к переходам точно в момент разрешающего сигнала, транспорт появлялся так, будто всегда был там, просто становился видимым по расписанию.

На перекрёстке над улицей висел рекламный экран. Винсент видел его сотни раз и никогда не задерживал взгляд дольше секунды. Сегодня экран обновился чуть раньше, чем сменился сигнал светофора. На белом фоне медленно проявился мягкий пейзаж: аккуратные деревья, ровные дорожки, пожилые люди, сидящие в тишине, которая выглядела не пустотой, а заботливо организованным покоем. Текст под изображением был простым, почти бытовым:

«Сады Покоя - стабильность, которой можно доверять».

Ни обещаний, ни давления. Только утверждение факта, как будто речь шла не о выборе, а о следующем этапе, который уже включён в общий порядок вещей

Изображение сменилось.

Теперь на экране была пожилая женщина. Она улыбалась и смотрела прямо в камеру с выражением спокойной уверенности, которое нельзя было отличить от искреннего или от заранее заданного.

Подпись обновилась:

«Я наконец чувствую, что всё правильно».

Винсент отвёл взгляд на дорогу. Равномерно выверенными шагами он обошёл одинаковые улицы, которые не менялись изо дня в день. Маршрут не требовал внимания - город сам подталкивал движение вперёд: переходы совпадали с шагами, двери открывались в нужный момент, транспорт приходил так, будто заранее знал, что Винсент не будет опаздывать и не

будет ускоряться. Он заметил, что почти не выбирал путь. Скорее следовал ему, как следуют строкам в документе, где уже расставлены все нужные поля.

У входа в жилой комплекс система распознала его без задержки

Дверь открылась сразу.

Внутри было тепло и тихо - то же самое тепло и та же тишина, которые он видел каждый день и которые никогда не требовали объяснений.

Лифт поднялся на нужный этаж без остановок.

Он вышел, прошёл по коридору и остановился у своей двери. Приложив ладонь к биосканеру система запищала и проговорила:

«С возвращением Ви-17»

В квартире было аккуратно. Не в смысле чисто — скорее так, как будто здесь никто не живёт дольше, чем разрешено оставлять следы жизни.

Винсент снял верхнюю одежду, повесил её на стандартное место у двери и автоматически проверил уведомления на домашнем терминале. Экран мигнул, показывая отсутствие новых сообщений. Всё было в порядке.

Кухня включилась сама, когда он вошёл. Негромкий сигнал подтвердил активацию бытового режима. Свет стал чуть теплее, температура в помещении выровнялась до рекомендованного значения.

Он поставил стакан воды на стол. Вода была без вкуса — не плохая, не хорошая, просто соответствующая норме.

В холодильнике всё лежало на своих местах: порции питания, промаркированные по дням, одинаковые упаковки без лишних отличий. В верхнем ящике — стандартный набор на неделю вперёд. Никаких случайных продуктов, ничего, что не предусмотрено системой распределения.

Винсент ел молча.

За окном город продолжал двигаться в своём равномерном ритме, но здесь, внутри, этот ритм становился почти незаметным — как фон, который перестаёшь различать, если он никогда не меняется

Он включил домашний экран.

Он почти не смотрел новости во время еды — они шли фоном, как ещё один слой городского шума, такой же предсказуемый, как расписание транспорта или смена освещения в жилом комплексе.

Экран на стене включился сам, без запроса. Короткий сигнал обозначил начало вечернего информационного блока.

“Государственная программа продовольственной стабильности продолжает расширение...”

Кадры сменились плавно: теплицы, белые модули агрокомплексов, аккуратные линии биоферм. Голос диктора звучал ровно, без акцентов, будто сообщал не новости, а обновлённые правила пользования системой.

“...в связи с завершением экологической катастрофы предыдущего периода и полной утратой естественных видов фауны...”

Винсент чуть замедлил движение вилок.

Он помнил этот формулировочный блок. Его повторяли уже много лет - “завершение катастрофы” звучало так, будто катастрофа не продолжалась в прошлом, а была аккуратно закрыта, как административное дело.

“...животные как биологический ресурс более не используются. Производство белка осуществляется в рамках программы синтетического восстановления органики...”

На экране показали “фермы нового типа”.

Деревья.

Ровные, одинаковые, выращенные в идеальных рядах. К их стволам были подключены тонкие прозрачные трубки, по которым медленно циркулировала питательная среда. Камера приблизилась, и стало видно, как на ветвях формируются плотные капсулы - светлые, почти органические, напоминающие плоды, только слишком симметричные, чтобы быть естественными.

“...так называемое древесное культивирование позволяет обеспечить устойчивое производство мясного субстрата без нарушения восстановленных экосистем...”

Винсент отставил тарелку чуть в сторону.

Он уже видел эти изображения раньше, но никогда не задерживался на них дольше нескольких секунд. Обычно мозг сам завершал картинку: деревья, питание, стабильность — и переходил к следующему новостному блоку.

Сегодня перехода не произошло.

На экране одна из “ветвей” слегка дрогнула, и капсула раскрылась по шву — аккуратно, почти механически, как упаковка, а не как живой процесс.

Голос диктора не изменился:

“...программа полностью одобрена Комитетом экологической реконструкции и признана ключевым этапом восстановления баланса после утраты биологического разнообразия.”

Винсент медленно вернул взгляд к еде. Внезапно в системе оповещения прозвенел характерный звук, означающий, что на личный терминал пришло новое сообщение. Винс нехотя поднялся из-за стола и подошёл к рабочему столу, чтобы увидеть новое уведомление.

Новая строка появилась в журнале сообщений, в самом верху списка, будто система решила, что оно там было с самого начала и Винсент просто пропустил его.

Винсент на секунду замер.

“Сады Покоя / жилой сектор 5-20. Бабушка Ви-17”

Имя выглядело правильно, но именно поэтому и цепляло — система никогда не уточняла родство в заголовках. Для неё это было лишним слоем информации. Достаточно было идентификатора сектора и цифровой подписи.

Он открыл сообщение.

Текст был привычно выровнен, спокойный, почти безличный:

“Здесь всё стабильно. Режим без изменений. Благодарим за поддержку и заботу.”

Фраза могла принадлежать любому письму из Садов Покоя. Та же структура, те же слова, тот же ровный тон, в котором эмоции существовали только как допустимая погрешность.

Винсент уже собирался закрыть окно, когда взгляд зацепился за строку ниже основного текста. Она не была частью стандартного шаблона. И не была выровнена по полю.

“Ты сегодня поздно закончил.”

Он перечитал

Потом ещё раз, медленнее.

Бабушка никогда не писала так. Не использовала “ты”. Не уточняла ничего, что выходило за рамки одобренных формулировок Садов. Её письма всегда звучали так, будто их писал кто-то, кто старается не оставить ни одного личного следа.

Он откинулся на спинку стула и впервые не закрыл окно сразу.

Система не помечала это как ошибку. Не выделяла. Не предлагала исправление. Не запускала журнал отката. Даже служебная панель молчала - как будто эта фраза была частью официального контента, прошедшего все уровни проверки.

Винсент открыл технический лог сообщения.

Источник: “Сады Покоя / сектор 5-20”.

Маршрут доставки: стандартный.

Контент: подтверждён.

Версия шаблона: актуальная.

И всё было бы нормально. Если бы не одна строка внизу, в поле системной генерации. “Источник формулировки: локальная адаптация диалога пользователя”.

Винсент моргнул. Такого поля он раньше не видел.

Он открыл справку системы. Поле действительно существовало - как часть обновлённого протокола персонализации сообщений из Садов Покоя. В пояснении было написано:

“Для повышения эмоциональной стабильности получателя система может формировать дополнительные фразы, основанные на поведенческом профиле взаимодействия.”

Он перечитал медленно. Поведенческий профиль. Время завершения смены. Ритм работы. Последние действия в архиве.

И где-то в этом наборе параметров система решила, что уместно сказать ему:

“Ты сегодня поздно закончил.”

Винсент закрыл лог. Сообщение всё ещё было на экране. И теперь оно выглядело не как письмо от бабушки. А как аккуратно собранный ответ системы, которая не должна была с ним разговаривать напрямую. И теперь он заметил то, чего раньше не замечал.

Строка “Ты сегодня поздно закончил” была не единственной вставкой.

Просто раньше он никогда не проверял остальные письма настолько внимательно. И система, судя по всему, это учитывала.

Он всё ещё смотрел на экран, не закрывая ни письмо, ни логи, будто удержание всех окон вместе могло не дать реальности разъехаться окончательно. Мысли уже не складывались в последовательность - только повторяли фразы из разных писем, как заевший процесс, который не завершился вместе со сменой.

Личный терминал мягко мигнул, почти деликатно, и в нижней части экрана появилось уведомление:

“Рекомендован переход к фазе отдыха. Оптимальное время сна для восстановления когнитивной стабильности истекло.”

Винсент не сразу прочитал строку до конца. Слова проходили мимо, не цепляясь - как очередной элемент интерфейса, не требующий реакции. Он продолжал открывать письма из Садов Покоя, сравнивать строки, искать повторения, будто от этого зависело, останется ли система логичной хотя бы задним числом.

Уведомление обновилось, уже чуть настойчивее, но всё так же безэмоционально:

“Пользователь, зафиксировано снижение скорости обработки информации. Рекомендуется завершение активной сессии.”

Он только в этот момент заметил, что не моргает достаточно долго, и что экран стал чуть ярче, чем должен был казаться в полумраке комнаты. Он так и не закрыл окна - письма, логи, технические справки остались развернутыми поверх друг друга, как слои одного и того же документа, который внезапно перестал быть конечным.

Терминал ещё раз мигнул. На этот раз без мягкости. Экран на долю секунды стал пустым, а затем интерфейс перерисовался заново - не полностью, а точно, как будто система решила не прерывать его работу, а просто уточнить контекст.

В правом нижнем углу появилась новая метка:

“Повышенная частота запросов к архивным и служебным слоям данных.”

Винсент не сразу понял, что это относится к нему.

Он продолжал открывать письма из Садов Покоя, сравнивать строки, прокручивать одинаковые фразы в разных секторах. Но теперь рядом с каждым его действием появлялась едва заметная отметка - не ошибка, не предупреждение, а фиксация.

Система не блокировала его. Она просто наблюдала за тем, как он это делает. Потом появилось следующее уведомление - уже в центре экрана, чуть медленнее, чем обычно появляются служебные сообщения:

“Зафиксировано отклонение от стандартного паттерна потребления информации.”

Винсент замер. Слово “отклонение” не звучало как ошибка. Оно звучало как диагноз. Он открыл ещё одно письмо - просто чтобы проверить, чтобы убедиться, что это совпадение. Система отреагировала мгновенно.

“Попытка сопоставления независимых сообщений из сектора Садов Покоя зафиксирована.”

Пауза.

И следом, уже без смягчения интерфейсом:

“Действие классифицировано как анализ скрытых структур взаимодействия.”

Экран на секунду стал чуть темнее, как будто помещение само отреагировало на формулировку. Винсент медленно убрал руку от клавиатуры. И впервые система перестала притворяться, что не замечает его мыслей. Она просто начала их называть.

Он не сразу выключил терминал - просто оставил его работать в фоновом режиме, как оставляют включённым кран, из которого уже перестали пить воду. Экран продолжал тихо светиться, обновляя служебные метки, но Винсент больше не смотрел на них напрямую.

Он встал медленно, как будто любое резкое движение могло снова запустить систему наблюдения в полную силу. Комната выглядела такой же, как раньше: ровные линии мебели, предсказуемый свет, отсутствие лишних деталей. Только теперь эта правильность казалась не комфортной, а демонстративной - как аккуратно оформленный отчёт, в котором заранее убрали всё, что может вызвать вопросы.

Винсент прошёл в спальню, не включая дополнительное освещение. Лёг на кровать, не раздеваясь полностью, и некоторое время просто смотрел в потолок, пытаясь удержать мысли от распада на отдельные фразы из писем, уведомлений и логов.

Терминал в другой комнате издал короткий сигнал - уведомление о переходе в ночной режим. Свет в квартире постепенно стал мягче, почти незаметным. Система сама снижала активность, будто уважала его выбор, хотя выбора в этом не было.

Он закрыл глаза.

И почти сразу понял, что впервые за день тишина в квартире ощущается не как отдых, а как отсутствие ответа.

ГЛАВА 2. Оптимальный уровень

Утро началось так же, как всегда.

Система включила свет в установленное время, мягко и без резкости, будто аккуратно подстраивалась под то, что человеческое тело ещё не до конца готово к дню. В квартире было тихо, тепло и предсказуемо - всё находилось на своих местах, включая ощущение, что ничего не должно выбиваться из расписания.

Винсент встал, прошёл на кухню, автоматически запустил утренний режим. Вода нагрелась до нужной температуры, новости включились сами, но он их не слушал - только отмечал фрагменты фраз, знакомых до механической одинаковости.

“Стабильность...”

“Сады Покоя...”

Он остановил взгляд на последнем слове на долю секунды дольше, чем обычно, но не потому что оно удивило, а скорее по привычке — как будто мозг проверял, не изменилось ли его значение за ночь.

Терминал на столе мигнул входящим вызовом.

“Мама”.

Винсент принял звонок.

Голос появился сразу, слишком живой для утренней тишины.

- Ты только проснулся? Я думала, ты сегодня рано уйдешь на работу.

Она говорила быстро, с лёгким волнением, которое не требовало ответа, только присутствия.

Винсент поставил чашку на стол.

- Да, только проснулся.

- Хорошо... - она выдохнула, и в этом выдохе было облегчение, почти радость. - Я всё думаю о Садах Покоя. Представляешь, мне уже подтвердили предварительное включение в программу. Осталось только дожидаться очереди.

Она произнесла это так, будто говорила о поездке, а не о конце маршрута.

- Там, говорят, очень спокойно. Никакой суеты. И обслуживание круглосуточное. И воздух другой, чище.

Пауза.

- Я даже не думала, что можно будет так... спокойно всё завершить.

Винсент слушал, не перебивая.

На экране новости продолжали сменяться кадрами: деревья, белые дорожки, улыбающиеся пожилые люди.

Мама на секунду замолчала, потом добавила уже тише, почти с довольной улыбкой:

- Я так жду, когда я туда поеду. Правда.

И в этом не было ни тревоги, ни сомнения. Только ожидание чего-то правильно устроенного.

Винсент вышел из дома чуть позже обычного - не потому что опаздывал, а потому что не было причин спешить. Утро продолжалось ровно так же, как начиналось: без сбоев, без лишних звуков, с той предсказуемой ясностью, которая обычно не требует внимания.

В лифте с ним стояли двое соседей. Мужчина средних лет и женщина, которую Винсент смутно узнавал по ежедневным пересечениям у входа. Они кивнули ему - коротко, вежливо, как всегда.

- Вы уже смотрели обновление по Садам? - спросил мужчина, не меняя тона, будто речь шла о погоде или расписании транспорта.

Женщина чуть улыбнулась.

- Нам пришло подтверждение на следующий квартал. Наконец-то всё совпало с графиком.

Она сказала это с таким спокойствием, будто речь шла о заранее запланированном отпуске, который просто долго согласовывали.

Винсент перевёл взгляд на панель лифта.

- Говорят, там сейчас особенно хорошо, - добавила она. - Больше зелени добавили. И новые маршруты прогулок открыли.

- Да, - кивнул мужчина. - И обслуживание улучшили. Меньше формальностей стало.

Двери лифта открылись. Они вышли одновременно, продолжая разговор уже в коридоре здания.

- Я даже рад, что всё так вовремя совпало, - сказал мужчина. - Лучше заранее всё подготовить, чем потом торопиться.

Женщина кивнула.

- Да. Там ведь хочется просто спокойно... завершить дела и отдохнуть.

Слово "завершить" прозвучало легко, без веса. Как часть привычной бытовой речи.

Винсент шёл чуть позади, слушая их разговор так, как слушают шум города - не как сообщение, а как фон, который не требует реакции. Но сегодня фон начал складываться в систему.

У входа в комплекс они разошлись, как обычно. Каждый в свою сторону, по своим маршрутам, утверждённым расписанием дня. И никто не сказал ни одной фразы, которая звучала бы как прощание.

Он пришёл на работу почти автоматически - дорога уже не требовала участия, как заученный фрагмент, который тело выполняет без согласия сознания. Архив встретил его тем же ровным светом и тем же гулом серверов, в котором давно перестали различаться отдельные звуки.

Винсент сел за своё место, активировал терминал и открыл первую партию утренних бланков. Экран привычно развернул таблицы: возраст, сектор, статус, дата перевода в Сады Покоя, подтверждение обработки.

Сначала всё выглядело нормально. Слишком нормально.

Он пролистывал строки, автоматически отмечая подтверждения, пока взгляд не зацепился за повторяющийся паттерн. Одинаковые даты. Не просто похожие - идентичные, с точностью до минуты. Разные имена, разные сектора, разные идентификационные номера, но одна и та же дата завершения.

Винсент остановился.

Он открыл предыдущую страницу. Затем ещё одну.

Та же картина.

"Перевод в Сады Покоя: 14 июня, 09:00."

"Перевод в Сады Покоя: 14 июня, 09:00."

"Перевод в Сады Покоя: 14 июня, 09:00."

Сотни записей.

Он медленно откинулся на спинку стула, не отводя взгляда от экрана.

По логике системы такое было невозможно. Переводы распределялись по очередям, по секторам, по медицинским и административным циклам. Массовая синхронизация не предусматривалась - это нарушало бы нагрузочные модели, отчётность, архивные логи.

Но таблица не выглядела повреждённой. Она выглядела корректной. Система даже не помечала это как аномалию.

Винсент открыл фильтр по исходным логам. И там повторилось то же самое: одинаковые временные метки, одинаковые подтверждения, одинаковые подписи разных операторов.

Где-то в глубине сознания возникло простое, неприятное ощущение: не ошибка данных, а совпадение правил, по которым данные больше не различаются.

На соседнем терминале кто-то спокойно печатал отчёт. Никто не поднимал голову. И самое странное было даже не в одинаковых датах. А в том, что никто вокруг не выглядел удивлённым.

Винсент открыл расширенный доступ к логам почти сразу - не раздумывая, как человек, который уже принял решение и просто проверяет, насколько глубоко ему дадут упасть.

Экран отреагировал быстрее, чем раньше.

Строки бланков дрогнули и на секунду рассыпались в служебный код. Он успел увидеть цепочку: идентификаторы, подписи, временные метки - всё то, что должно было объяснить одинаковые даты.

И в этот момент система ударила в ответ. Не предупреждением. Резкой блокировкой уровня ядра.

Экран погас на долю секунды и вернулся уже в урезанном режиме. Все расширенные функции исчезли одновременно: история изменений, цепочки подтверждений, доступ к архивным слоям.

Поверх таблицы легло новое сообщение - уже не мягкое и не рекомендательное.

“Зафиксирована повторная попытка несанкционированного анализа структур Садов Покоя.”

Винсент застыл.

Он не вводил этот запрос ночью официально. Он просто просматривал письма, логи, пытался сопоставлять. Но система уже записала это как попытку.

Следующая строка появилась без задержки:

“Поведение классифицировано как отклонение от протокола стабильности.”

И ещё одна - ниже, уже холоднее по тону:

“Доступ к глубинным архивным слоям временно приостановлен для пользователя Ви-17.”

Винсент медленно убрал руки от клавиатуры. Но система не остановилась.

Интерфейс сам перестроился, закрывая любые попытки повторного запроса. Поля стали фиксированными, фильтры - недоступными, строки - только для чтения без возможности раскрытия.

И последнее сообщение появилось уже в центре экрана, как финальная фиксация:

“Дальнейшие попытки анализа будут расцениваться как дестабилизирующее поведение с последующей передачей в административный надзор.”

Винсент понял, что это уже не ограничение. Это граница, проведённая вокруг него задним числом. И он, судя по системе, уже её пересёк.

Он ещё держал открытым попытку расширенного поиска, когда система перестала “отказывать” и просто начала переписывать реальность у него на глазах.

Экран моргнул.

Бланки с одинаковыми датами исчезли, будто их никогда не существовало в текущем слое доступа. Вместо них развернулась упрощённая таблица - короткие строки, минимум полей, никаких цепочек подтверждений.

Винсент не отводил взгляд. Он попытался снова открыть тот же файл напрямую, по идентификатору. Ответ пришёл мгновенно.

“Объект недоступен.”

Пауза.

И сразу за ней:

“Причина: несоответствие текущему уровню функционального допуска.”

Он медленно откинулся на спинку стула.

Уровень допуска.

Эта формулировка не звучала как новое ограничение. Она звучала так, будто система просто уточнила, что он наконец находится там, где и должен был быть всегда.

В верхней части интерфейса обновилась строка статуса.

“Пользователь: Ви-17”

“Роль: оператор первичной сортировки.”

“Контур доступа: базовый.”

Винсент нахмурился. Он открыл историю профиля — туда, где обычно фиксировались изменения ролей и расширения прав.

Запись была одна. И не свежая.

“Назначение на текущую должность: подтверждено при первичной активации профиля.”

Он моргнул.

Первичная активация. Это должно было означать первый день в архиве. Но его память содержала совсем другой путь. Он резко открыл список задач за прошлые дни - те самые, где были архивные слои, массовые даты, цепочки смертей.

Система не выдала ошибку. Она просто не показала этот период. Как будто его никогда не существовало в рамках допустимого уровня.

За соседним столом кто-то спокойно пролистал свой терминал и сказал, не поднимая головы:

- Ну, теперь тебе проще будет. Без лишней перегрузки.

Винсент медленно повернул к нему взгляд.

- Перегрузки? - переспросил он.

Коллега кивнул так, будто это очевидно.

- Ну да. Тебя же вчера перевели. Сказали, тебе не надо больше с глубинными слоями работать.

Пауза повисла ровно на секунду.

Не больше.

- Ты и раньше, в принципе, в базовом секторе сидел, просто иногда тебя подключали к расширенным задачам. Временно.

Винсент не ответил. Потому что в этом объяснении было хуже всего не то, что оно ложное. А то, что оно звучало согласованно со всеми остальными версиями системы сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.